

Учебный текст в советской школе

15–16 декабря 2006 г. на кафедре детской литературы Санкт-Петербургского университета культуры и искусств состоялась международная научная конференция «Учебный текст в советской школе» (VI Детские чтения).

Идея провести конференцию на такую тему вызвана ощущением необходимости продолжать начатое не так давно историко-антропологическое изучение советской школы, представленное прежде всего в авторитетных исследованиях Е. Балашова, К. Келли, Т. Красовицкой, Л. Холмса и других отечественных и западных ученых. В то же время на периферии внимания антропологов советской школы оказались исследовательские проблемы, связанные с формированием у учащихся определенной мировоззренческой системы в процессе предметного образования по различным учебным дисциплинам. Между тем само по себе школьное обучение — один из важнейших каналов трансляции нормативных представлений о мире. В частности (а возможно, в

особенности), это относится к советской общеобразовательной школе — в высокой степени идеологизированному государственному институту, целью которого было прежде всего сообщение учащимся «всесторонних знаний».

Достаточно очевидно, что передача учащимся нормативных представлений (или «знаний») в процессе школьного обучения так или иначе происходит посредством конкретных текстов, зафиксированных в учебниках, хрестоматиях, наглядных пособиях, карточках с заданиями, написанных на доске или произнесенных на уроке. Для обозначения этого разнородного в структурном и содержательном отношениях, но единого в функциональном плане текстового массива организаторами конференции был предложен рабочий термин «учебный текст».

Целью конференции было сделать первый шаг к ответу на вопрос, каким образом учебные тексты, имевшие хождение в советской школе, служили средством конструирования «знаний» и какое знание они конструировали.

Конференция никоим образом не была научно-практической. Ее участники не ставили перед собой задач «поиска путей выхода из кризиса» или «устранения пережитков советской образовательной традиции». В выступлениях не звучало педагогических, психологических или методических интерпретаций, а общей методологической системой координат, объединившей все доклады, стали историко-филологический подход к анализу текста и антропологический взгляд на феномен советской школы.

Хронологические рамки, заданные темой конференции, спровоцировали нескольких ее участников обратиться к образовательным событиям 1920–1930-х гг. — периода, традиционно привлекавшего внимание авторов работ об эволюции «советскости» в разных ее проявлениях. Доклады, посвященные этому периоду, составили отдельный блок.

Самое наглядное воплощение методологические установки конференции получили в докладе **Г.А. Орловой** (Ростов-на-Дону) «**Знать и видеть: географическая наглядность в эпоху больших утопий**», посвященном географическим картам 1930-х гг. Интерес власти к географической карте был связан с особым медиальным статусом карты — визуализацией невидимого и достоверной репрезентацией пространства вместе со всеми помещенными в него объектами. Фотоиллюстрации к докладу позволили продемонстрировать, как учебная карта конструировала идеологическую версию географии советской страны.

В докладе **С.Г. Леонтьевой** (Санкт-Петербург) «**Учебное кино в советской школе 1930-х гг.**» было рассмотрено отношение многих педагогов к учебному кино как приоритетному способу обучения, конкурирующему даже с «живым словом» учителя. К 1936 г. все дискуссии о «важнейшем из всех искусств» были закрыты, а «кинометод» поставлен в подчинение к стабильному уроку и учебнику. При обсуждении доклада возникла любопытная параллель с внедрением компьютерных средств обучения в современной школе.

Доклад **В.Г. Безрогова** (Москва) «**Пословица как учебный текст в советской школе начала 1930-х гг.**» был посвящен внедрению в школьное преподавание пословицы как учебного текста. Докладчик представил историческую ретроспективу использования пословиц в школе: заголовки разделов, вопросы по темам, формулировки тем сочинений и пр., — а также прокомментировал одно сочинение 1932 г., написанное на паремиилогическом материале.

В докладе **В.В. Барановой** (Санкт-Петербург) «**Уроки родного языка в греческих селах Приазовья в 1930-е гг. (по воспоминаниям учеников)**» речь шла о перипетиях преподавания «родного языка» в период смены национальной политики в 1920–1930-е гг. Рецепция школьного обучения сказалась и на металингвистических представлениях уже в современных воспоминаниях греков.

Продолжению этой темы на русском материале, а именно обучению взрослых родному языку и чтению был посвящен доклад **М.С. Костюхиной** (Санкт-Петербург) «**Учебники для взрослых: „мир в картинках“**». В докладе были рассмотрены буквари, использовавшиеся в школах для взрослых в 1919–1937-е гг. Динамический анализ поэтики учебных текстов (лексический состав, ритм и пр.) позволил показать, как в конце 1920-х гг. буквари для взрослых отразили сдвиг идеологической конъюнктуры: на смену романтическому бунтарю приходит рабочий у станка.

Проблематика конференции обусловила и особое внимание ее участников к учебникам и хрестоматиям для начальной школы: именно младшие классы были тем этапом образовательного процесса, когда советский ребенок становился советским учеником, а потому «обнаженность образовательного приема» в учебниках для начальной школы наиболее очевидна.

Картину советского детства по материалам букварей (преимущественно 1920–1930-х гг.) представила **Катриона Келли** (Оксфорд) «**„Папа едет в командировку“: репрезентация общественных и личных ценностей в советских букварях и книгах для**

чтения». Главным нововведением советского времени было изображение идеальной семьи как образца культурного поведения — семьи из папы, мамы, Паши и Маши, которые слушают радио.

В докладе **«Книги для чтения в 1920-е годы: старое и новое»** А.А. Сенькина (Санкт-Петербург), проанализировав списки включенных в них произведений, сделала вывод о том, что специфичность новых, «красных» хрестоматий не в том, что в них появились откровенно агитационные тексты, а в том, что исчезли нейтральные рассказы о жизни школьника, детстве, стихи о природе, гигиене.

Ретроспективный экскурс, представленный в докладе М.В. Лескинен (Москва) **«Учебники и хрестоматии для начальной школы как инструмент формирования „нового человека“ последней трети XIX в.»**, продемонстрировал, что при ожидаемом различии между учебниками соседствующих периодов обнаруживаются неожиданные сходства. «Новый человек», которого воспитывала пореформенная начальная школа, должен был стать носителем рационального мышления и отличного от прежнего — традиционного — образа восприятия действительности.

На конференции прозвучало несколько докладов, которые отличались исключительно широким охватом материала. Е.Р. Пономарев (Санкт-Петербург) в своем докладе **«Советский учебник по литературе как учебный текст (1930–1980-е гг.)»** опроверг устойчивый стереотип о том, что государственная идеология непосредственно влияет на учебник. Идеологические перемены 1956 г. (разоблачение культа личности Сталина) практически не проявились в тексте учебника. Напротив, существенные перемены учебника обусловлены идеологией Победы (национал-большевистской идеологией поздней сталинской эпохи), сложившейся к концу 1940-х гг.

В докладе А.А. Костина (Санкт-Петербург) **«А.Н. Радищев в советской школе»** была прослежена динамика восприятия жизни и творчества писателя, изменение их соотношений в процессе обучения, в частности в связи со специфической «целомудренностью» школьной программы.

Другая группа докладов, напротив, строилась как развернутый анализ отдельно взятого учебника. С.Б. Адоньева (Санкт-Петербург) в докладе **«Мир по школьному учебнику. Математика. 4 класс»** рассматривала то, как авторы учебника, изобретая сюжеты задач, как бы моделируют некую непротиворечивую с их точки зрения ситуацию.

А.С. Хаметова (Санкт-Петербург) в докладе **«„Средневековье“ в советских учебниках истории»**, продемонстрировав лексиче-

скую и визуальную клишированность идеологически predetermined «знаний» о Средневековье, выявила способы конструирования стереотипных представлений о Средневековье и его социальной организации.

Любопытный контекст к советскому учебнику по истории составил доклад **И.О. Ермаченко** (Санкт-Петербург) «**Классовый подход в виртуальной школе (альтернативный учебник истории на сайте РКСМ(б) и его ориентальные сюжеты)**» — о современном молодежно-левацком проекте радикально идеологизированного «нового стандарта образования».

Доклад **К.А. Маслинского** (Санкт-Петербург) «**Текстовые задачи по математике в средней школе**», построенный на материале одного учебника (Виленкин и др. Математика, 4 класс, 1984), был посвящен задачам, содержащим нематематические реалии. Докладчик проанализировал частотность и сочетаемость существительных, характеризуя таким образом нормативные представления, проникшие в тексты задач.

М.Л. Лурье (Санкт-Петербург) в докладе «**Камышовая поросль, стелющаяся растительность... (заметки о поэтике и прагматике школьного диктанта)**» предложил соотнести школьные диктанты с малопонятными молитвами, магическими заговорами, бредовыми прорицаниями, речами на партийных съездах 1970—1980-х гг., техническими инструкциями и прочими разновидностями текстов, в которых звучность в сочетании с бессмысленностью коррелирует с прагматикой манифестации или восстановления нормы. Такой функциональный подход к материалу проясняет взаимозависимость «учебного текста» и «учебной ситуации», что представляется весьма плодотворной перспективой в свете изучения и других учебных текстов.

Другой блок докладов составили выступления, посвященные образу «чужого» в школьном учебнике и, шире, проблеме этнических, политических, культурных границ в связи с учебным текстом.

В докладе **Т.А. Кругляковой** (Санкт-Петербург) «**Образ кубинского сверстника в учебнике испанского языка**» был показано постоянное повторение неинформативных сентенций в «достоверных рассказах», искажение страноведческих сведений, изображение кубинского школьника в строгом соответствии с жизнью советских детей и предложены объяснения этих наблюдений.

Другого «чужого» избрала для рассмотрения **Э.Г. Васильева** (Даугавпилс). В докладе «**Стереотип русского на материале учебников по русской литературе для латышских школ советского периода**» было рассмотрено специфическое положение «чу-

жой» русской литературы, связанное с особым статусом «большого брата», и выстроена шкала доминант характера русского писателя.

Д.А. Олехнович (Даугавпилс) в докладе «**Метод разоблачения фальсификации истории... или Сопоставительный анализ задач учителя истории при отборе учебников в период Второй мировой войны (на примере „Izglītības mēnešraksts“ и „Исторического журнала“)**» рассмотрел формирование образа «чужого» в школьных программах по истории в оккупированной Латвии. Несмотря на кардинальные различия в интерпретации исторических фактов и в их тенденциозном отборе, источники отчетливо выражают стремление к героизации прошлого, к виктимизации судьбы народа, а также конструируют культуртрегерскую роль немцев/русских в судьбах балтийских наций.

Осмысление парадигм национального педагогического дискурса в их зависимости от идеологического контекста было продолжено **Беном Эклофом** (Блумингтон), его доклад «**История советско-американской комиссии по учебникам (1978–1988)**» занял особое место в этом ряду исследований, так как в нем был дан анализ «чужого» взгляда на учебники истории и географии. Докладчик поделился и своими воспоминаниями о процессе работы комиссии, членом которой он был, соображениями о конъюнктурных причинах неуспешности ее деятельности.

Закономерным направлением в работе конференции стали исследования педагогико-методического дискурса как такового. В докладе **А.В. Тарабукиной** (Санкт-Петербург) «**Художественный мир нехудожественного произведения (Пушкин в методических пособиях для учителей)**» была рассмотрена как «пушкинская мифология» методических разработок, так и приемы, рекомендуемые учителям для максимального усвоения этой мифологии школьниками.

Месту музыкального жанра в методических разработках посвятила свое выступление **А.Ю. Александрова** (Санкт-Петербург) — «**Массовая песня в советской школе (на материале экспериментальной программы Д.Б. Кабалецкого по музыке для общеобразовательной школы)**». Было рассмотрено, как советская массовая песня стала в этой программе той осью, вокруг которой формировался «мир музыки» советских детей.

П.А. Клубков (Санкт-Петербург) в докладе «**О некоторых чертах педагогического дискурса 1960-х гг.**» прокомментировал визуальную клишированность образов педагогических работников, причем как учителей-предметников («химички», «физички» и т.д.), так и административного аппарата и обслужи-

вающего персонала. В докладе были намечены дальнейшие перспективы антропологического и социолингвистического изучения «образа» учителя.

Проблеме влияния учебного текста на сознание учеников, проекции изученного на жизненные практики был посвящен доклад **Е.В. Маркасовой** (Санкт-Петербург) «„Молодая Гвардия“ в советской школе в 1947–1957 гг.». Особые приемы в преподавании романа приводили учеников к поэтизации образа подпольщика, что отразилось в том, что многие из учащихся впоследствии стали членами подпольных молодежных организаций.

По твердой школьной привычке хочется упорядочить прозвучавшие доклады по предметам, изучаемым в советской школе. Наибольший интерес вызвала русская литература — семь докладов, и это закономерно: большинство участников конференции — филологи. Далее интерес распределяется следующим образом: история — пять докладов, чтение (в младших классах) — четыре доклада, математика — два, география — два, родной язык — один, иностранный язык (испанский) — один, русский язык — один, музыка — один. «Неохваченными» остались такие любопытные предметы, как физика, рисование, химия, физкультура, биология, домоводство, НВП (начальная военная подготовка), природоведение, информатика и другие. Хочется надеяться, что уже начатые исследования будут продолжены, а не представленные на конференции школьные предметы и их учебные тексты также найдут своего исследователя. Материалы конференции размещены на сайте «Антропология советской школы» по адресу <<http://sovietschool.org.ru>>.

*Светлана Леонтьева,
Кирилл Маслинский*